

ТУНДРОВИЧКИ

Чум, будь он хоть на берегу какой-нибудь маленькой речушки в тундре, хоть высоко в горах, великолепно вписывается в окружающую природу, как будто он её неотъемлемая часть. Оленья упряжка ни зимой, ни летом не нанесёт вреда легко ранимому растительному покрову. Стада добрых, умных оленей украшают тундру. Даже страшно представить себе, что всего этого когда-нибудь не будет. И люди только по описаниям этнографов и путешественников будут знать, что жили на земле Ямала когда-то какие-то кочевые народы. Очень не хотелось бы, чтобы это когда-нибудь произошло. Но пока они есть, живут в чумах, каслают по родным просторам, радуются появлению новорождённых оленят, берегут свои стада от всякого рода хищников, поют старинные песни, поклоняются своим древним богам, сохраняют обычаи и культуру. И очень многое здесь зависит от женщины. Мне хочется поделиться своими наблюдениями и впечатлениями.

Женщина в чуме. Какова её роль в тундровой семье?

Согласно обычаям, жену до сих пор выкупают у родителей. Я знаю случаи, когда за одну невесту заплатили всего два оленя, за другую — пять, а за третью попросили тридцать. Последняя была взята у личников из-за Уральских гор. Считается, из них получают самые лучшие хозяйки чума, потому что там воспитание идёт полностью в традиционном духе. Для женщин существует целый ряд запретов и ограничений: нельзя обходить чум вокруг, перешагивать через принадлежности мужской одежды, орудия охоты, упряжь, тынзян, хорей и другие вещи, лежащие на земле. Переходить с одной половины чума на другую можно только у входа. Нечистой считается женская обувь и т.д. Всего не перечислишь. Значит, это забитое, униженное существо? Помню, при первом знакомстве со всеми этими правилами и обычаями я страшно возмущалась: «Разве такое возможно в наше время?! Это же сплошное

бесправие!» Но оказалось, всё не так просто обстоит с правами и обязанностями женщины в тундре. Хорошая жена и в самом деле дорогого стоит.

Прежде всего, женщина это хранительница огня — души жилища. Она умеет прислушиваться к нему, по его поведению предугадывать события. Но огонь нужно кормить, он должен своевременно получать пищу, а для этого хозяйке следует позаботиться о дровах, ведь иногда приходится буквально собирать веточки стелющихся кустарников, нарубить их, заготовить и просушить растопку. И вообще, она многое должна уметь: шить одежду, выделывать шкуры, ставить чум и готовить пищу. Вроде бы, о каком порядке в чуме может идти речь во время долгих кочевий, когда день-два стойбище стоит на одном месте и дальше в путь. А ведь от хозяйки зависит, будет ли в чуме тепло, уютно, чисто. В иной чум зайдешь — душа радуется.

Вспоминаю одну из встреч в горах Полярного Урала. Это было в июне. Стада кочевали к Карскому морю, где с Байдарацкой Губы дуют сильные ветры, и овод не доставляет мучений животным. Растительность пропитана дыханием солёного моря. Обычно к осени олени становятся там хорошо упитанными, набираются сил для долгой полярной зимы. Правда, лето 1997 года было трудное, холодное и суровое: трава почти не выросла, даже птиц в тундре было мало слышно — много птенцов погибло при заморозках, грибов и ягод совершенно не было. За всё лето я не слышала ни одной грозы, а это очень плохо, — ненцы уверены, молнии убивают всяческие болезни на земле и расправляются с любой нечистью. А три года назад, все шло нормально: и трава была высокой, и птичьи голоса звучали со всех сторон, и ягоды созрели в положенное время, и громы громыхали нередко.

В тот день, о котором идет речь, шел дождь, перекочевка была трудной — все время нужно было подниматься вверх к перевалу. Устали люди и олени.

Быстро установив чумы и напившись чаю, народ уже собирался лечь спать, а тут подъехали мы. Закон гостеприимства обязывает... И хотя Дарье Лаптандер — хозяйке чума досталось не меньше других, да вдобавок ко всему ещё и очень сильно простыла, но она быстро разожгла огонь, вскипятила чаю, подала на стол всё, что положено, в том числе и свежее испеченный ею хлеб. Кстати, вы никогда не пробовали хлеб, испеченный в чуме. Объядение! Так вот, сделав все необходимые приготовления для гостей, Дарья села, взяла на колени детей и застыла, как изваяние. И столько в ней было очарования и достоинства, что в этот момент она мне напомнила мадонну. Эту её неподвижную позу, немного грустный взгляд, детей на коленях я вспоминаю очень часто. И всегда, когда бы мне ни случалось бывать у неё в чуме, дети были одеты так, как будто их только лишь сейчас переодели в свежестырированные платья и рубашки, все вещи на своих местах, а на столе выпеченный ею хлеб. Кстати, это далеко не единственный такой чум, который я видела во время своих странствий в горах Полярного Урала.

Вообще женщину в тундре никогда не увидишь без дела: летом нужно принести воды, а зимой натопить снег. Если учесть, что близко от чума чистого снега не бывает, - всё утопано оленями, - его приходится носить издалека. Нужно развести огонь, приготовить еду, накормить семью, убрать стол, просушить мокрую одежду мужчин, вернувшихся с дежурства из стада, или с охоты, или с рыбалки, размять после просушки кисы и чижи, заштопать образовавшиеся дырки. Да дел этих в тундре великое множество! Впрочем, ведь и мы часто говорим, что в доме всех дел не переделаешь, но все-таки мы позволяем себе расслабиться, почитать книгу, посмотреть какой-нибудь многосерийный фильм по телевизору.

Вот сидит прямо на заснеженной дороге бабка Хаулы. Цветной платок на голове, плохонькая ягушка, вытертая во многих местах до замши. Через плечо

перекинут брезентовый ремень. Рядом с ней санки, на которых упакован ящик, мешки с хлебом и другими продуктами, торчат две доски, где-то подобранные ею для растопки. До чума путь неблизкий, вот она и присела отдохнуть перед тем, как отправится в дорогу, где её ждут, не дождутся маленькие внучата-близняшки. Меня поразило её лицо, изрезанное морщинами, хотя это не очень удивительно — ведь ей уже за 70. Было в нём что-то неординарное, запоминающееся, даже жёсткое — увидишь такое выразительно лицо и никогда уже его не забудешь. Позади нелёгкая жизнь, немало переживаний ей выпало на долю. Трагически погиб единственный, уже взрослый сын, тяжело заболела дочь и уже долгое время находится в больнице Салехарда. Дети, которым тогда было около трёх лет, остались на руках у старой женщины. Даже в городской квартире, где всегда тепло и вода течёт прямо из крана, непросто управиться с такими малышами, а тут одна в чуме. Надеяться не на кого, всё нужно сделать самой. Бабка Хаулы говорит, дети ей совсем не в тягость. Она живёт ими. Кроме многочисленных дел, которые требует жизнь в чуме, она ещё умудряется подрабатывать: выделывает шкуры, шьёт заготовки для бурок на продажу — не очень-то приживёшь на пенсионные деньги. Слава Богу, хоть отец детей подкидывает рыбу и мясо — он кочует и не может забрать ребятшек в свой чум. Это было два года назад, когда я увидела её сидящей на снегу. Теперь дочь поправилась, дети скоро пойдут в школу. Выходила их старуха — не была бы она тундровой женщиной, которая закалена всей своей прожитой жизнью. Трудности не раздавили её, и ей даже в голову не пришло — отдать детишек в детдом.

Озеро Большое Щучье. Летом вокруг него бывает довольно оживлённо, конечно, не так, как на улицах города, но, проехав с десятков километров, можешь увидеть разбредшихся по горам оленей, пастуха на нарте, окарауливающего стадо. А вот навстречу едут аргиши — стойбище

перебирается на другое место выпаса. Остановишься, взаимно поинтересуешься, как идут дела, обменяешься новостями, и дальше в путь.

Впереди, у подножья горы Саурей, около озера стоит одинокий чум — там проводит лето семья (как говорят в таких случаях – семья находится на летовке), которая в этот год не пасёт оленей, так сказать отдыхает, хотя это очень относительно, дел всё равно хватает. Женщине нужно выделать шкуры, прокоптить всё меховое шкурё, пошить новую одежду, починить нюки, Мужчине — построить новые нарты, изготовить шесты для чума, наловить рыбы, что-то отремонтировать. В общем, загорать некогда. К сожалению, я не застала детей дома, а их в этой семье семь. Буквально перед моим приходом прилетел вертолёт и забрал ребятишек в школу, один из сыновей находится в стаде, так что родители остались одни. Клава Тохоля — хозяйка чума показывает мне вещи, пошитые руками её девочек, в том числе и замечательные сумки, которыми может гордиться любая тундровая женщина. Мать с малых лет передаёт дочерям всё своё мастерство, все знания, без которых в тундре не выжить.

На взгорье, над озером Большое Щучье, километрах в шести от того места, где вытекает из озера река Щучья (общая протяженность озера около 15 км) расположен чум Салиндеров. Сегодня там одна Анна с четырьмя детьми, старшему сыну — всего восемь лет, младшей дочке — восемь месяцев. День пасмурный, частенько идёт дождь. Муж и брат женщины ищут в горах разбежавшееся стадо. За последние годы очень много расплодилось волков. Раньше их отстреливали с вертолётов, устраивались облавы, но сейчас это мероприятие стоит очень дорого. Вот и нападают волки на оленей. Да ладно, если б они только убивали для насыщения, — ненцы говорят в таких случаях, что медведю и волку тоже что-то надо есть, и оленеводы должны с ними делиться, но сейчас бывает так, что волки оставляют после себя много просто

так прирезанных оленей. А в стаде Салиндеров не только загрызли и поранили много оленей, но и вообще разогнали их на десятки километров. Хорошо ещё, кочевники всегда придут на помощь друг другу в беде. Вот и на этот раз соседи помогают разыскивать и собирать стадо.

Я всегда поражаюсь присутствию духа у женщин-тундровичек. Ведь одна в чуме с детьми, до ближайшего стойбища с десятков километров, кончился керосин, вечером даже не зажжёшь лампу. С продуктами тоже неважно дела обстоят. Говорят, где-то недалеко видели медведя, но на её лице ни страха, ни растерянности, только беспокоится о муже и брате, и ещё о том, соберут ли разбежавшееся стадо. Мы привезли ей немного керосина, кое-какие продукты, поделились, чем могли. На следующий день я снова попровела её. Чум жил своей будничной жизнью. Дети носили воду из быстрого ручья, вытекающего из снежника, потом таскали хворост из ближайшего невысокого леска, играли с собаками. Хозяйка напоила меня чаем и продолжила начатую работу — выделывать шкуру. Всё, как обычно. Я ещё раз уверилась, пока есть в тундре такие мужественные женщины — будет жив дух этого народа.

Ещё одно воспоминание. Опять же мои любимые горы Полярного Урала. На этот раз стойбище большое — пять чумов, такое бывает редко. Уже несколько дней метёт пурга. Просыпаешься утром, а печка завалена снегом, хотя вроде бы вечером старались тщательно заткнуть верхнее отверстие в чуме. Так не хочется вставать и вылезать из-под тёплой ягушки на холод. Думаю про себя: «Хотя бы сегодня я должна встать раньше хозяйки, Анны Неркаги, и первой разжечь огонь!» Решить-то я решила, но пока страдала от душевных мучений по поводу моей лени и боязни вылезать на мороз, убрать снег с печки и развести огонь, Анна уже встала. Быстро загудел огонь в трубе, в чуме стало тепло и уютно. И вот она — я — вылезая из-под полога.

Тем же вечером жители стойбища собрались послушать старинный ярабц

в исполнении Василия Неркаги и вторящего ему Ефима Тысяя. Остальные мужчины полулежат на постелях — обычная поза отдыхающих мужчин в чуме. Кто-то из них курит, кто-то нюхает табак. А женщины в это время, хотя и слушают не менее внимательно, то есть, вздыхают горестно, смеются, сопереживают приключениям главного героя, но у каждой в руках какое-нибудь дело: одна выделывает шкуру, другая готовит нитки для шитья из оленьих сухожилий, третья выкраивает из неблюев будущую ягушку, короче говоря, все при деле.

Нет, я не хочу сказать, что сильная половина кочевой семьи ничего не делает. У них тоже хватает своей, чисто мужской работы. В тундре все взаимосвязано и прожить мужчине без женщины также трудно, как и женщине без мужчины. Поэтому, когда умирает один из супругов, люди тундры стремятся найти себе пару. Пусть женщина старше, пусть у нее есть дети — это не помеха, лишь бы она могла делить все тяготы тундровой жизни.

Уже давно я воспринимаю, как должное, что за жену платят выкуп. Чем больше за нее отдан калым, тем увереннее она себя чувствует хозяйкой чума. Что касается всяческих запретов, то я не раз была свидетелем, как нарушение их приводит к печальным последствиям, и сама стараюсь придерживаться установленных правил, когда бываю в тундре. Что же говорить о женщинах стойбища, когда всё это впитывается у них с молоком матери.

Женщина в тундре, кто она — хозяйка, хранительница домашнего очага?... Ещё одна встреча. Довелось мне как-то в городе познакомиться с одной из тундровичек — Марфой. Она была неразговорчива, смотрела исподлобья, хмурилась, дичилась меня. Я уж думала, никогда не найду с ней общего языка. Но так получилось, что через какое-то время я встретила с ней в её стойбище. Это был совсем другой человек — приветливый, веселый, разговорчивый. А сколько она знает загадок, примет! Собирали мы недалеко от

чума голубику, устали немного и решили — святое дело! — сходить попить чайку. Смотрю — Марфа что-то кладёт на ближайшую кочку, спрашиваю её, что она делает. Марфа просвещает меня. Оказывается для того, чтобы не убежали ягоды, нужно взять кусочек земли и приложить к тому месту, где их собирают, со словами: «Кусочек земли, храни мои ягоды». Это же нужно делать около любой вещи, если ты собираешься временно оставить её в тундре. А вот одна из Марфиных загадок: «Имел бы руки и ноги до неба бы дошёл». Я б ни за что сама не отгадала. Представьте себе, это дорога.

Однажды утром, выйдя из чума, я обнаружила сияющую Марфу. Причина была самой прозаической на мой непросвещённый взгляд. Дело в том, что даже на летовке, то есть, «находясь на отдыхе», ненцы периодически переносят чум, чтобы, как они говорят, дать отдохнуть земле. И в чуме становится радостно, люди как бы оставили печали на старом месте. Вот и Марфа была счастлива, что они переставили чум на новое место, хотя оно находилось буквально в десяти метрах от прежнего.

Многому меня научил опыт пребывания на этой богатой, красивой земле! Общение с этими замечательными женщинами, о встречах с которыми я ещё надеюсь когда-нибудь рассказать, заставило по-новому взглянуть на роль тундровой женщины. Она вольный человек. Это её стойбище, её чум, в котором она разжигает по утрам огонь, её тундра, авки-олени, которых она выкормила после гибели матери-оленихи. Она нужна своему мужу, без неё не могут обойтись дети, в конце концов, она просто необходима тундре. Да что говорить, благодаря тому, что на Ямале женщин оставили в покое в их родных стойбищах, а не переселили в посёлки, как это случилось в других краях, сохранился жизненный уклад оленеводов-кочевников, сохранились традиции и обычаи этого древнего народа. И главная задача, которая стоит перед теми, от кого зависит его дальнейшая судьба, — не навредить, оставить их в покое на родной земле. Перед проведением какого-то очередного грандиозного

мероприятия, подумать о том, что, уничтожив этот народ, мы нанесём вред самим себе.

8 октября 1997 года. Салехард. Полярный Урал